
Я ПРИШЁЛ
УБИТЬ БУДДУ
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ДЕМОНЫ МИЛАНА

Роман Буслаев

Я пришёл убить Будду.Часть вторая Демоны Милата.

https://litres.ru/74934658
SelfPub; 2026

Аннотация

Я пришёл убить Будду. Демоны Милата

Учитель мёртв, а империи уже делят его наследие. Сотирис, человек, пришедший убить Просветлённого, выстраивает по дорогам Индии дома у колодцев и отряд в чёрных масках, которые боятся даже те, кого они спасают. Цари гибнут от рук своих сыновей, друзья уходят один за другим, а чаша для подаяний наполняется золотом. Милосердие, которое нельзя защитить, умирает первым, а защита, которой все боятся, рано или поздно требует крови.

Он идёт на север, к Инду, и там на равнине, под тысячами костров, его ждёт армия. Над лагерем звучит песня на языке, которого он не слышал целую жизнь.

Роман о цене мира, о тьме, которую приходится надеть, чтобы другие остались в свете, и о том, что остаётся, когда уходит учитель.

Содержание

Глава 31. Пещера семи листьев 6
Глава 32. Дар Амбапали 13
Глава 33. Колодец на перекрёстке 19
Глава 34. Чёрные одежды 28
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Роман Буслаев
Я пришёл убить Будду.Часть вторая Демоны Милата.

ПРОНЕСИ ЧЕРЕЗ ВРЕМЯ
ДЕМОНЫ МИЛАТА

Книга вторая цикла «Пронеси через время»
Историко-философский роман

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 31. Пещера семи листьев
Глава 32. Дар Амбапали
Глава 33. Колодец на перекрёстке
Глава 34. Чёрные одежды
Глава 35. Слово перед царём
Глава 36. Река делит пополам
Глава 37. Поколения
Глава 38. Чаша с водой
Глава 39. Белые одежды
Глава 40. Суд у Нанды
Глава 41. Последний путь
Глава 42. Весы

Глава 43. Северный тракт
Глава 44. Пять домов

Глава 31. Пещера семи листьев

Собор созвали в сезон дождей.

Махакашьяпа поднял вопрос на третий день после костра, на пыльной дороге, при всех: слова учителя нужно собрать, пока живы те, кто их слышал. Пока не пришли другие, которые скажут «теперь можно делать что хочется». Сотирис стоял в стороне и вспоминал молодого монаха из салловой рощи, его негромкий смех. Он не знал, что чувствует: облегчение, что старший монах помнит об этом, или тревогу, что иначе вообще никто бы не вспомнил.

Место выбрали на горе Вебхара, над Раджагахой, где в склоне была большая пещера. Рядом росло дерево с семью листьями на каждой ветви, и пещеру так и звали: Саптапарни. Аджаташатру прислал мастеров. За месяц они расчистили вход, выровняли пол, поставили деревянные навесы от ливней и приготовили пятьсот сидений из циновок. Потом царь сам поднялся на гору, посмотрел на всё это молча, потрогал рукой шершавый камень стены и спустился обратно, не сказав ни слова.

Сотирис занял пост у подножия тропы.

Это не было приказом. Никто его не просил. Он просто пришёл туда на рассвете в день открытия, сел на плоский камень и остался. Рядом шумел горный ручей, по склону стелился тонкий белый туман. Пахло мокрыми листьями, сыро-

стью, потухшим вчерашним костром. Здесь, между домами города и тишиной пещеры, нужен был кто-то, кто сидит и смотрит на дорогу. Он умел это лучше всех.

Монахи поднимались мимо него по одному, по двое, в охристых рясах, потемневших от дождя. Он узнавал многих. Старый Упали, бывший цирюльник, невысокий и сухой, который помнил каждую строку устава. Анурудха с его ясными глазами. Махакашьяпа, чьё лицо оставалось закрытым, как дверь. Все пятьсот были теми, кого называли архатами: людьми, ушедшими так далеко, что дальше идти было некуда.

Ананды среди них не было.

Это Сотирис узнал от старого монаха с метлой, который поднялся на гору, тяжело дыша, и сел рядом, обтирая лоб краем рукава.

— Его не пускают, — сказал монах. — Махакашьяпа сказал: пятьсот, ни одним больше и ни одним меньше. А Ананда ещё не там. Слишком много любви, слишком много слёз. Он служил учителю двадцать пять лет, а освободиться не успел.

— Почему не успел?

— Кто же знает. Бывает, что человек так близко стоит к огню, что не видит самого огня.

Сотирис долго смотрел на дорогу.

— Что он будет делать?

— Сидеть, — сказал старик. — Всю ночь. Сказали, что если не получится, то утром Собор начнётся без него.

В ту ночь Сотирис не спал. Он сидел на своём камне, и далеко внизу, в долине, мерцали огни Раджагахи. Над горой стояла луна, и свет её ложился на мокрые листья, на камни, на ручей. Он слышал, как в пещере поют вполголоса. Слышал далеко внизу, на тропе, шаги: кто-то то поднимался, то спускался, то опять поднимался. К полуночи шаги затихли. Он представил, как Ананда сидит где-то в темноте на склоне, один, со своими слезами и своим учителем, которого больше нет.

Под утро он задремал.

Когда он открыл глаза, было светло. Небо над горой стало бледно-розовым, влажным. Птицы кричали на разные голоса. И на тропе, шагах в двадцати, стоял человек.

Ананда не плакал. Он был бледен, как после долгой болезни, с запавшими глазами, но лицо его стало другим. Не светлее и не мягче. Тише. Будто в нём погасили то, что всё время шумело.

Он посмотрел на Сотириса и кивнул. Сотирис кивнул в ответ.

Потом Ананда пошёл вверх по тропе, и Сотирис не стал окликать. Он слышал только шорох сандалий по мокрому камню и, спустя много времени, начало общего напева.

Собор шёл семь месяцев.

Он не слушал его весь. Он стоял внизу, а звуки приходили к нему урывками, как приходит гул далёкого моря. Иногда ветер доносил ровный, низкий хор: пятьсот голосов повто-

ряли за кем-то строфу. Иногда наступала тишина, долгая, и потом слышался один голос.

Этот голос он узнал бы из тысячи.

Ананда читал по памяти всё, что слышал от учителя. Беседу за беседой, проповедь за проповедью. Каждая начиналась одними и теми же словами. Они поднимались по склону, как дым над костром, и Сотирис ловил их слух, не желая слушать, но не в силах не слушать:

«Так я слышал. Однажды Благословенный пребывал...»

Он сидел внизу, и вокруг него шумел дождь, и Анандин голос звучал над ним, ровный, спокойный. Это был тот голос, что объяснял ему узлы на палке, что просил показать, как драться, что говорил «давай помогу». Он повторял слова человека, которого уже не было. И от этого казалось, что человек есть.

К концу сезона дождей Ананда спустился к нему.

Он был устал. Темнота легла под глазами, кожа на скулах натянулась. Но он двигался легче, чем раньше, словно что-то с него сняли.

— Они потребовали, чтобы я признал ошибки, — сказал он, садясь на камень рядом. Без вступления, без приветствия. — Пять. Старшие монахи сидели кругом и по очереди говорили, в чём я виноват. Что не спросил Учителя, какие мелкие правила можно отменить. Что наступил ногой на его одежду, когда зашивал. Что позволил женщинам первым поклониться ему после смерти, и они плакали, и слёзы упали

на тело. Что...

Он замолчал.

— Что не просил его остаться, — закончил Сотирис.

— Да. — Ананда посмотрел на свои руки. — Я признал и эту. Сказал, что у меня туман в голове, что Мара меня сбил. Они не спросили, правда ли это. Я сам не знаю. Но сказал так. А потом вспомнил, как ты сказал у стены: «Он бы ответил нет». И мне стало легче.

Сотирис долго молчал.

— Я хочу принять прибежище, — сказал он наконец.

Ананда повернул голову.

— У тебя есть на это причина?

— Нет. Просто хочу. Я не знаю, хочу ли идти по пути так, как идёшь ты. Но я хочу, чтобы то, что я делаю, было связано с ним. Чтобы это было вслух, а не только внутри.

— Тогда скажи.

— Сейчас?

— Ты же здесь. Я здесь. Тут нет никого другого.

Ананда выпрямился. Он положил ладони на колени. И Сотирис вдруг увидел его таким, каким тот, наверное, должен был быть всегда: не мальчиком с испуганными глазами, а человеком, которого можно слушать.

— Повторяй за мной.

Сотирис повторил. Три раза, на языке, который понимал не весь, но слова которого знал на слух: «Иду к Просветлённому за прибежищем. Иду к Учению за прибежищем. Иду

к Общине за прибежищем». Каждое слово было как камень, который он клал в стену. Закончив, он выдохнул.

— Теперь обеты, — сказал Ананда. — Пять. Не убивать живое. Не брать то, что не дано. Не вести себя во вред в любви. Не говорить ложь. Не пить то, что туманит ум.

Сотирис не ответил сразу.

— Первый, — сказал он. — Я не знаю, смогу ли.

— Говори.

— Я не могу обещать, что никогда не убью. Я охранял караваны. Я собираюсь делать то же самое. Рядом с людьми, у которых есть оружие. — Он посмотрел на горный ручей. — Могу обещать, что не убью, если есть другой выход. Что буду искать его. Всегда.

Ананда молчал.

Сотирис ждал, что тот скажет: «Тогда нельзя». Что предложит взять только три прибежища, без обетов. Он был готов. Это было бы честно.

— Хорошо, — сказал Ананда. — Скажи так.

— Это... можно?

— Я не знаю, можно ли. — Он слабо улыбнулся. — Я знаю, что учитель не заставил бы тебя дать пустое слово. Он бы сказал: пусть то, что ты обещаешь, будет правдой. Скажи так, как можешь.

Сотирис повторил обеты. Четыре из них слово в слово. Первый своими словами, медленно, тяжело, как кладут на землю то, что раньше носили. Ананда слушал, не шевелясь.

Когда Сотирис замолчал, наступила тишина. Ручей журчал внизу. В долине звонил колокольчик быка.

— Не бойся, — сказал Ананда. — Нарушишь, значит, нарушишь. Начни снова. Это не клятва перед богами. Это дорожный знак.

Он поднялся. Положил ладонь Сотирису на плечо, коротко, как касаются, чтобы убедиться, что рука настоящая.

— Ты ведь не просил записать?

— Здесь не пишут, — сказал Сотирис.

— Нет. Только слушают.

Он ушёл по тропе наверх, к пещере, где ещё шёл Собор.

Сотирис сидел один, и туман под ногами редел, и город внизу выходил из серой дымки. Он повторял про себя свои слова. Не обеты, а ту часть, которую придумал сам: «Если есть другой выход». Впервые она казалась ему не уступкой, а чем-то вроде дороги. Узкой. Трудной. Но дороги.

Глава 32. Дар Амбапали

В Вайшали он пришёл в начале осени, когда рисовые поля стояли золотые и тяжёлые, а над рекой по утрам висел пар.

Три недели дороги дались легче, чем он думал. Он шёл налегке, с одним мешком и кожаным шнурком на шее, и по пути слушал, как деревни говорят о смерти старика. Это были не те разговоры, что на городской площади, не про чудеса и не про знамения. Это были разговоры про дело: куда теперь идти монахам, где им останавливаться, кто будет кормить. Один раз к нему в придорожной хижине подсел пастух и сказал вполголоса: «Говорят, его демон остался. Вот бы он нас от разбойников защитил». Сотирис не сказал ни слова.

На переправе через Гангу он нанял перевозчика и стоял на краю плота, держась за верёвку. Вода была мутная, жёлтая, с запахом ила и лилий. Он вспомнил, как стоял здесь с Буддой. Тогда река казалась бесконечной. Теперь на ней были только он, перевозчик и его двое сыновей.

Вайшали встретил его запахом спелых плодов. Город изменился за год: людей стало больше, но говорили они тише. Личчхавы у ворот, молодые, в ярких тканях, смотрели на него с любопытством. Один даже поднял руку, словно хотел остановить, потом передумал.

Амбапали жила не в городе, а в роще.

Это была та же манговая роща, которую она подарила об-

щине. Она оставила себе только небольшой дом на краю: глиняные стены, плоская крыша, сад с розами и жасмином, где пели птицы. Он ждал дворца, а увидел жилище человека, который уже собрался уходить. На столбе у входа висела связка сушёных трав. На пороге лежала циновка, и на ней, подобрав под себя ноги, сидела она сама.

Она была в простом белом, без единого украшения. Годы не тронули её лицо, но что-то в нём изменилось: оно стало спокойнее, как у человека, который долго держал дыхание и наконец выдохнул. Седина красиво лежала у висков.

Она поднялась ему навстречу.

— Здравствуй, — сказала она. — Я ждала.

— Откуда ты знала, что я приду?

— Не знала. Просто ждала. — Она улыбнулась. — Заходи. Сядем в саду, там прохладнее.

Они сели на низкой каменной скамье под раскидистым манговым деревом. Слуга принёс кувшин с водой, настоянной на мяте, и две глиняные чаши. Над ними вились пчёлы, в траве у ног шуршали ящерицы.

Некоторое время они молчали. Сотирис ждал, что она заговорит первой. Она не торопилась. Пила воду маленькими глотками, смотрела на жасмин, и он понял, что здесь это не пустое молчание, а часть беседы.

— Я видела тебя с Ним, — сказала она наконец. — Тогда, в моей роще, и потом в городе. Ты стоял сзади, всегда на шаг дальше остальных, и смотрел на всех так, как смотрят люди,

которые привыкли считать. Ты Демон, который оберегал его последние годы.

— Да.

Она кивнула.

— Я хочу, чтобы ты помог его учению и людям, которые идут по этому пути.

Она не сказала «защитил». Сотирис отметил это. Не просила оружия или сторожей. Сказала «помог».

— Я готов, — ответил он. — Если они примут мою помощь.

— Примут. — Она посмотрела на него внимательно, и в её взгляде не было ни лести, ни расчёта. — Они не знают, как просить. Они монахи, они ничего не просят. Но им нужны крыши, колодцы, дороги. Им нужны безопасные места, где можно остановиться. Они будут ходить. Мир широк, а учение должно идти по нему.

Она поднялась и скрылась в доме. Вернулась через минуту, неся что-то тяжёлое, завёрнутое в белую ткань. Положила на скамью между ними.

— Прими в дар от меня, от чистого сердца, в память о Нём.

Она развернула ткань. Внутри лежал кожаный мешок, перевязанный шнуром, и когда она сдвинула край, на ладонь Сотириса высыпалась горсть золотых монет. Крупных, тяжёлых, с вырубленными знаками, потёртых от долгой жизни в чужих руках. Их было много. Больше, чем он когда-либо

держал.

Он не прикоснулся к ним.

— Это слишком много.

— Это то, что у меня есть. — Она спокойно сложила ткань. — Я не хочу, чтобы из этого строили золотые статуи. Не хочу храмов с позолоченными крышами. Он сказал бы: это не нужно. Хочу, чтобы это превратилось в кров. В колодец. В еду. Ты знаешь, как это делается.

— Не знаю.

— Узнаешь. — Она слегка улыбнулась. — Ты же всегда узнаёшь.

Сотирис взял мешок. Он оказался таким тяжёлым, что запястья дрогнули. Он понимал: если взять, это будет не просто деньги. Это будет обязательство. Не Амбапали, а перед собой.

— Что ты будешь делать? — спросил он.

— Скоро я надену жёлтое. — Она сказала это так же спокойно, как говорила о воде. — Я думаю об этом с тех пор, как Он умер. Сначала хотела уйти сразу, но мне нужно было закончить некоторые дела. Теперь почти закончила. Это последнее.

— Ты станешь монахиней.

— Если примут. — Она посмотрела на розы. — Не знаю, примут ли такую, как я. Но я не стану ждать, пока примут. Я просто пойду.

Они посидели ещё немного. Солнце клонилось к закату, и

сад постепенно становился золотым. Слуга принёс лепёшки с мёдом, и Сотирис ел, не замечая вкуса. Ему казалось, что он сидит не в чужом саду, а на пороге чего-то, чему пока нет названия.

Прощаясь, она взяла его руку обеими своими. Ладони у неё были сухие и тёплые.

— Ты знаешь, почему я отдала это тебе, а не общине? — спросила она.

— Нет.

— Потому что община ничего не умеет делать с деньгами. Это не упрёк, это правило. Монахи не берут золота. Им нужен тот, кто может. Тот, кто не даст деньгам стать их заботой. — Она отпустила его руку. — Ты будешь этим человеком. Не потому что ты лучший. Потому что ты согласился.

Он кивнул.

На обратном пути он останавливался на каждой переправе и в каждой деревне, и смотрел на дороги иначе, чем раньше. Он больше не искал выходов или слабых мест. Он искал места. Где колодец, где перекрёсток, где холм, с которого видно далеко. Где путник, идущий день за днём по жаре, мог бы остановиться и быть уверен, что его не обманут и не ограбят.

На двадцатый день пути он вернулся к тому самому перекрёстку, где вырыл колодец.

Колодец стоял на месте, уже почти слившийся с землёй, обвитый тонкой травой. Рядом кто-то поставил навес из ве-

ток. Пахло полынью и сухой землёй. Он опустился на камень у воды, положил мешок рядом и долго сидел, глядя на дороги, расходящиеся в четыре стороны.

Потом поднял палку, лежавшую у ног, и начал чертить на земле. Сначала просто линии. Потом квадрат. Потом ещё квадрат внутри, поменьше. Дом для монахов. Склад для товара, отдельно, под присмотром тех, кому монахи не могут передавать вещи из рук в руки. Стена, невысокая, чтобы не казалось крепостью. Колодец в середине. Навес для путников.

Место покоя посреди пустоты.

Он смотрел на рисунок и вдруг понял, что не боится ошибиться. Не потому что был уверен. Потому что рядом лежал кожаный мешок, и на шее висела крупинка, и в груди стояла странная, спокойная решимость, как стоит вода в глубоком колодце.

Он ещё не знал, сколько таких мест ему придётся построить. Но первый чертёж был готов.

Глава 33. Колодец на перекрёстке

Деревня называлась Бхадраграма, и до неё от перекрёстка было полдня пешего хода.

Сотирис пришёл туда рано утром, когда над крышами ещё курился дым от очагов, а на утоптанной площади у большого дерева старики сидели рядком и обсуждали, кому ехать на ярмарку. Староста, коренастый человек с седой бородой и красной повязкой на лбу, выслушал его молча. Он не торопился. Достал из-за пояса маленькую глиняную трубку, набил её сухими листьями, раскурил и только потом сказал:

— Ты хочешь построить дом у колодца, где никто не живёт.

— Не дом. Место.

— Для монахов.

— И для тех, кто идёт мимо.

Староста посмотрел на мешок, который Сотирис положил на землю, развязал и приоткрыл. Не золото. Он не рискнул нести золото в деревню. Там лежали медные монеты, много, перевязанные в связки по сто, и ещё три мешочка с зерном.

— Платить будешь зерном и медью?

— Зерном и медью. Каждый день. Тому, кто работает, и тому, кто кормит работающего.

Староста выпустил дым, и тот поплыл над площадью, смешиваясь с запахом навоза и сушёной рыбы.

— Мои люди не любят чужаков, — сказал он наконец. — Но любят зерно.

В тот же день сорок человек вышли на дорогу. Мужчины в набедренных повязках, подростки с корзинами, две женщины с кувшинами на головах, сын старосты, который присматривал за остальными и больше мешал, чем помогал. Они шли гуськом, переговариваясь, и поначалу посматривали на Сотириса исподлобья. Но он шёл впереди с лопатой на плече, ничем не отличаясь от остальных, и через час они уже перестали замечать шрам и голубые глаза.

Первые недели ушли на кирпич.

Он никогда не делал кирпичей. Знал, как ставят стены, знал, как выглядит готовый дом, но сам процесс оставался загадкой. Староста показал: глина из ближайшей низины, замешанная с рубленой соломой и бычьим навозом, месится ногами в яме, пока не станет упругой, как тесто. Её накладывают в деревянные формы, выравнивают, сушат на солнце. Потом складывают в большую кучу и обжигают снизу, на медленном огне из лузги и сухого навоза. Запах стоял на всю округу: тёплый, землистый, чуть кислый. Руки у Сотириса за первые три дня покрылись волдырями, потом волдыри лопнули, потом кожа огрубела.

По вечерам он сидел на камне и смотрел на ровные ряды сохнущих кирпичей. В сумерках они казались маленькими золотыми слитками, разложенными на земле.

На второй неделе пошёл дождь.

Не проливной, лёгкий, мелкий, но кирпичи не любят даже такого. Все бросились накрывать их пальмовыми листьями и тростниковыми циновками. Сотирис стоял посреди двора, мокрый до нитки, держал край циновки над последним рядом и думал: вот он, враг, с которым нельзя договориться. Не меч, не человек. Вода.

Они спасли почти всё. К утру выглянуло солнце, и староста, проходя мимо, коротко кивнул. Это было больше, чем награда.

Дом вырос за два месяца.

Сотирис продумал его тщательно, как раньше продумывал нападение на крепость, только теперь наоборот: не слабые места, а сильные. Низкая стена из обожжённого кирпича, по грудь, чтобы не казалась крепостью и не отпугивала мирных путников. Двор с колодцем посередине, который расширили и обложили камнем: теперь вода поднималась на длину человеческого роста и стояла в нём прозрачная, холодная, с лёгким привкусом камня. С востока, где восходит солнце, длинное строение с шестью комнатами для монахов, лёгкое, на деревянных столбах, с крышей из пальмовых листьев и боковыми решётками для ветра. С запада склад.

Склад стоял отдельно и был совсем другим. Стены толстые, в два кирпича, дверь одна, обитая медью, с двумя запорами. Узкие окна под самой крышей. Внутри длинные ряды деревянных полок, а на каждой полке бирки из обожжённой глины с выдавленными знаками: у каждого путника своя. По

углам стояли глиняные кувшины с водой, потому что огонь был страшнее воров.

Между домом для монахов и складом оставался открытый двор, и это было главное.

Монахи не могли брать золото и серебро. Это Сотирис знал с самого начала, и именно поэтому ночами лежал без сна, придумывая, как устроить дело. Ему нужны были люди, которые принимают товар и выдают его назад, а монахи должны были стать чем-то вроде совести этого места. Они не касались ничего. Но троим из них полагалось присутствовать каждый раз, когда принимали или возвращали вещи: стоять рядом, смотреть, молчать. Свидетельство, а не стража.

Хранителей он подбирал сам. Вдовец из соседней деревни, тихий, аккуратный, который двадцать лет вёл счета у торговца солью. Два брата-близнеца, кузнецы, бросившие ремесло после смерти отца. Одноглазый мальчишка из той самой деревни, быстрый, как белка, с цепким умом, который научился считать на пальцах быстрее всех в округе. Он платил им хорошо. Но брал не за ловкость, а за то, что каждый из них умел смотреть людям в глаза и не отводить взгляд.

Монахи пришли в начале сухого сезона.

Их было трое. Анурудха выбрал их сам и не стал объяснять почему: старый, молчаливый, с белой щетиной на подбородке, по имени Утара, и двое молодых, Сумана и Датта, ещё слишком юные, чтобы скрывать удивление. Они подо-

шли к дому по дороге с севера, в запылённых одеждах, с чашами в руках, остановились у ворот и долго смотрели на стены.

— Это для нас? — спросил наконец Сумана.

— Если примете, — ответил Сотирис.

Утара шагнул во двор, огляделся, коснулся ладонью кирпичной кладки и вдруг улыбнулся, едва заметно, одними глазами.

— Хорошо сложено, — сказал он. — Сложено, как будто думали о тех, кто будет жить после.

Они поселились в тот же вечер.

Старый Утара объяснил общине в деревне, что дом не принадлежит ни им, ни Сотирису. Он принадлежит пути. Любой может остановиться, получить воду и пищу, переночевать. Никто не спрашивает, кто он, откуда, куда идёт. Только одно условие: брать лишь то, что тебе дано. Крестьяне слушали недоверчиво. Мир, который они знали, держался на других правилах. Но они начали приносить то, что могли: овощи, лепёшки, глиняные плошки.

Первым торговцем, который остановился у них, оказался тот самый купец, которому Сотирис когда-то помог выкопать колодец.

Он приехал на закате с караваном из шести повозок, усталый, пропылённый, с красными глазами от ветра. Сперва не узнал места. Остановил быка, огляделся, увидел кирпичные стены, дымок над кровлей, мальчишку у ворот. Потом уви-

дел человека, вышедшего навстречу.

— Ты? — сказал он.

— Я.

Купец сполз с повозки, и они долго стояли посреди двора, не говоря ни слова. Потом тот рассмеялся, коротко, нервно.

— Я думал, ты умер. Не пришёл за вознаграждением, не вернулся. Что это такое?

Сотирис рассказал. Купец слушал, прищурив глаза, и по мере рассказа лицо его менялось. Недоверие, потом интерес, потом осторожный расчёт. Это было видно даже в полутьме.

— То есть ты хочешь, чтобы я оставил здесь товар, — сказал он. — Просто оставил. Без охраны. Без залога.

— Охрана есть. Залога нет.

— И кто будет отвечать, если что-то пропадёт?

— Я.

Купец долго смотрел на него. Потом перевёл взгляд на двух молодых монахов, стоявших у ворот и скромно опустивших глаза. Потом на склад.

— Хорошо, — сказал он. — Сорок кусков хлопчатой ткани. Я еду в деревню за соляным товаром. Вернусь через неделю.

Он оставил. Хранитель-вдовец пересчитал ткань, глиняная бирка с оттиском легла на полку рядом с остальными, трое монахов стояли и смотрели, не касаясь ничего. Купец ушёл, оглядываясь.

Неделя тянулась медленно.

Сотирис не мог спать. Он ходил по двору ночью, прислушивался. Склад стоял тёмный, молчаливый, а над ним по небу тихо шли звёзды. На пятую ночь к воротам подошёл человек, постоял, посмотрел на запертую дверь, на спящих в тени монахов и ушёл. Он не стал его догонять. Утром на земле остались следы босых ног, ведущие обратно к деревне, и это был весь инцидент.

Купец вернулся на восьмой день.

Он вошёл во двор, не снимая дорожной накидки, и сразу направился к складу. Хранитель отомкнул дверь. Купец прошёл вдоль полок, нашёл свою бирку, снял с полки тюк, развязал верёвку и начал считать. Медленно, вслух. Сорок кусков. Всё на месте. Один за другим он перебирал ткань, ощупывая углы, проверяя, не подменили ли. Не подменили.

Он стоял посреди склада, держа в руках последний кусок, и вдруг сел прямо на пол.

— Я возил товар тридцать лет, — сказал он тихо. — И никогда не оставлял его без своих глаз. Ни разу. Ни на одну ночь.

Сотирис молчал.

— Чем мне отплатить?

— Не мне. Им.

Купец посмотрел на монахов, стоявших в дверях. Потом вытер лицо рукавом.

— Я привёз десять мешков риса, — сказал он. — Для себя. Оставлю три.

Это было начало. Не громкое, не торжественное. На следующей неделе пришёл ещё один торговец, потом третий. Они слышали от первого. Некоторые не верили, но проверяли. Некоторые оставляли по куску и уходили, возвращались и снова оставляли. К концу сухого сезона склад был заполнен на две трети, а у монахов на кухне хватало риса, масла, соли и даже сушёных фруктов.

В ту ночь, когда последний торговец из каравана ушёл, Сотирис сел у колодца рядом со старым Утарой.

Старик пил воду из деревянной чаши, медленно, глядя на звёзды.

— Они ничего не просят, — сказал Сотирис. — Просто доверяют.

— Доверие не просят, — сказал Утара. — Его получают. Тихо, по капле, как вода в этом колодце.

Помолчали.

— Но есть одна беда, — продолжил старик. — Этот дом хорош для тех, кто дошёл до него. А дороги, по которым идут к нему, не защищены.

Сотирис не ответил. Он уже слышал это. От купца с шестью повозками, который в первый вечер, сидя у костра, рассказывал про разбойников на северной дороге, про разграбленные караваны и убитых погонщиков. От другого, с повязкой на руке. От третьего, потерявшего сына.

Он смотрел на свои руки, лежащие на коленях. Мозоли, шрамы, сухая кожа. Руки, которые умели строить, но пом-

нили и другое.

— Я знаю, — сказал он.

— И что ты будешь делать?

Он долго смотрел на звёзды. Потом тихо, почти про себя, сказал:

— Найду людей.

Глава 34. Чёрные одежды

Он искал их полгода.

Искал не так, как ищут воинов, не на рынках наёмников и не в военных лагерях. Те люди нужны были другим: громкие, жадные, привыкшие побеждать любой ценой. Ему нужны были иные. Он ходил по ярмаркам и праздникам, сидел в придорожных харчевнях, слушал разговоры, смотрел, как люди держат оружие и как смотрят друг на друга. По вечерам он записывал имена на глиняных табличках, а утром стирал.

Первым оказался Бхадра.

Он нашёл его на ярмарке в Кошамби, где борцы мерились силой на утоптанной площадке под большим навесом. Высокий, жилистый, лет тридцати пяти, с лицом, которое не запоминалось сразу: ровным, спокойным, чуть усталым. Бывший сержант магадхской пехоты, он ушёл со службы, когда их отряд получил приказ сжечь деревню, жители которой не заплатили налог. Он не стал рассказывать подробностей. Только сказал, глядя в землю: «Я вышел раньше, чем зажгли». Сотирис не стал расспрашивать.

Потом была Тамири.

Она приехала с караваном скифов с севера, невысокая, с рыжеватыми волосами, заплетёнными в тугую косу, и с луком за спиной, который при необходимости превращался в боевую палку. Она стреляла с лошади так, как другие ходят:

без раздумий. Но когда Сотирис спросил, не хочет ли она работать с ним, она долго молчала.

— Против кого?

— Против разбойников. Но не убивать, если можно не убивать.

Она посмотрела на него, как смотрят на человека, сказавшего шутку, потом поняла, что это не шутка.

— Ты странный, — сказала она. — Платишь за то, чтобы не убивать.

— Плачу за то, чтобы груз дошёл.

— Это разные вещи.

— Для меня одна.

Третьим был Канха, копейщик из низкой касты, которого не брали в армию. Он родился с одной рукой короче другой, но обращался с древком так, что казалось, оно продолжает его кость. Четвёртым персидский воин по имени Артаван, тихий, хромой, в юности служивший в личной страже при дворе, а теперь без службы и без дома. Пятым борец Джаяпала, огромный, добродушный, с руками как брёвна, который мог обезоружить троих, не причинив вреда ни одному.

Сначала их было семеро. Потом одиннадцать. Все разные: по касте, по языку, по возрасту. Все приняли одно условие: не убивать, если можно иначе. Сотирис не брал головорезов. Он брал тех, кто умел остановиться.

Испытание он придумал сам.

Он собрал их на песчаном поле у деревни, дал каждому

деревянные мечи и палки, поставил одного в центр и сказал: охраняй этот мешок. Остальные нападают. Без крови. Кто сумеет отобрать мешок, не причинив боли, выигрывает.

Первые часы были хаосом. Они путали правила, увлекались, били по ногам, по голове, ругались. Потом Канха нашёл способ: он ударил не по человеку, а по земле у ног, и противник споткнулся. Потом Джаяпала схватил двоих за руки и мягко сложил на песок, будто укладывал детей. Потом Тамири, не слезая с лошади, накинула верёвку на мешок и утащила его так быстро, что никто не успел заметить.

К вечеру все лежали в тени у стены, потные, грязные, в синяках. Бхадра, массируя запястье, сказал:

— Это труднее, чем убивать.

— Знаю, — ответил Сотирис.

Он заметил, что они смеются. Не громко, не напоказ, но смеются, лёжа на горячей земле, и в смехе нет ни злобы, ни бравады. Он давно не слышал, чтобы воины так смеялись.

Маски появились случайно.

Он увидел их на храмовом празднике в маленьком городе у подножия гор. Мастера делали деревянные личины для танцев в честь якшей, духов-хранителей путей, и это были страшные, гротескные лица с выпученными глазами и клыками, раскрашенные красной и зелёной краской. Местные боялись их и любили одновременно. Дети визжали и тут же тянули руки.

Сотирис стоял в толпе и смотрел. Потом вдруг вспомнил

театр в Милете. Широкие каменные ступени, склон к морю, ряды зрителей. И актёров в масках: лакированных, лёгких, огромных, с застывшими лицами скорби или ярости. Отец водил его туда мальчишкой. Он помнил, как зал замирал, когда из-под такой маски раздавался голос.

Он нашёл мастера в тот же вечер, старого резчика с глиняной трубкой в зубах.

— Можешь сделать маску? Не деревянную. Лёгкую. Из ткани, пропитанной лаком. Чёрную.

— Чёрную? — Старик вынул трубку изо рта. — Зачем чёрную? Якши красные или зелёные.

— Эти не для праздника.

Старик посмотрел на него внимательно. Потом пожал плечами и взял заказ.

Через месяц одиннадцать человек стояли на песчаном поле в чёрных одеждах из простого полотна, закрывающих всё тело до пят, и в чёрных масках с глубокими глазницами и строгими, неподвижными лицами. Не клыкастыми, не звериными. Просто пустыми и страшными, как лица из давнего сна. Они не говорили. Они стояли ровно, и ветер шевелил полы их одежд.

Сотирис смотрел и чувствовал, как по спине бежит холодок. Он не думал, что получится так.

Первый выезд был скромным.

Подрядил его торговец солью, которому нужно было провезти двадцать повозок через ущелье, где в прошлом году

вырезали два каравана. Сотирис не брал плату вперёд. Сказал: «Заплатите, когда дойдём».

Они вышли на рассвете. Одиннадцать чёрных всадников: по трое спереди, по трое сзади, двое по бокам, и он сам впереди, без маски. Ему не нужна была маска. Люди, которые говорили «Демон», уже знали, кто он.

Ущелье началось на второй день.

Это была узкая тропа между скал, где повозки едва проходили друг за другом, а над ними с обеих сторон нависали каменные уступы. Воздух стоял жаркий и густой, пахло пылью, потом и сухой травой. Бык пофыркивал. Где-то высоко кричала птица.

На третий час из-за уступа посыпались стрелы.

Первая просвистела над головой Сотириса. Вторая вонзилась в борт повозки. Погонщики закричали. Он рванул поводья, и в ту же секунду чёрные фигуры бросились по сторонам: Тамири на скаку выпустила три стрелы, не в людей, а в верёвки, на которых держались каменные завалы, и те грохнули вниз, перегородив тропу позади нападавших. Бхадра с двумя бойцами поднялся по уступу, обошёл их сзади. Канха копьём выбил оружие у первого, у второго, у третьего.

Они не убили никого.

К вечеру двадцать семь человек сидели связанные на камнях у входа в ущелье, избитые, испуганные, с широко раскрытыми глазами. Они не могли отвести взгляда от безмолвных фигур в чёрном, которые ходили между ними и перевя-

зывали раны, давали воды, не произнося ни слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.